

Семья Ляо имела прочные корни в Хэси, и их отношения с людьми были хорошими. Сегодня, в день праздника, многие друзья и родственники пришли помочь. Конечно, были и те, кто любил понаблюдать за чужими проблемами, но большинство были искренне добрыми людьми — нельзя бить человека по лицу и разрушать чужую свадьбу. Но тот, кто пришел, сделал и то, и другое! Его нельзя было просто отпустить! Нужно было проучить этого наглеца!

И они начали действовать. Сотня человек окружила одного, готовясь напасть, многие схватили оружие — палки, ножи. Но оказалось, что тот, кто пришел забирать жениха, был мастером боевых искусств, причем не просто мастером, а настоящим бойцом, не боящимся смерти. Одной рукой он блокировал десятки рук, и вскоре «окружение» перестало быть таковым, а «сеть» распалась. Сотня человек смотрела, как он взвалил жениха на коня, ударил его хлыстом и умчался на запад. Конь был скакуном редкой породы, и в мгновение ока от него остался лишь клуб пыли. Преследовать? Как? Разве догонишь такого скакуна?

Ляо Цюли сначала лежал лицом вниз на спине лошади. Через некоторое время его начало трясти так, что голова кружилась, и он не мог пошевелиться, но ум его был ясен. Он думал о нескольких вещах: кто этот человек? Зачем он устроил такой скандал? Кого он снова обидел, что его решили наказать?

Он не узнал его. С одной стороны, удар по затылку мог привести к потере памяти, с другой — никто не менялся так сильно, как Сяо Юй, за пять лет. Внешние изменения были не так важны, как внутренние — человек, прошедший через множество испытаний, но все еще надеющийся, с легкой сладостной застенчивостью, и человек, который знает только горечь и отчаяние, не надеясь ни на что, кроме того, чтобы удержать настоящее, — разница между ними была огромной.

Проще говоря, этот человек стал прагматичным, перестал мечтать о взаимности, и теперь считал, что главное — это получить то, что хочешь.

Он поднял его, и они оказались лицом к лицу. Сяо Юй спросил:

— Ляо Цюли, ты никогда не собирался выполнять наше трехлетнее обещание, верно?

Даже если бы Ляо Цюли ничего не помнил и никого не узнавал, он бы понял, кто это, услышав эти слова.

«...» Ты спрашиваешь меня, но хотя бы разблокировал бы мои точки! Как я могу ответить, если у меня рот закрыт? Ты что, хочешь добиться признания под пытками?!

— За последние два с лишним года ты не дал о себе знать. Я отправил тебе столько писем, но ты ни разу не ответил...

«...»

Эти слова пронзили его сердце, как будто бездомная собака, нашедшая себе убежище и положившая туда все свои запасы, вдруг обнаружила, что это убежище обмануло ее, забрало ее сердце и исчезло на два с лишним года. И теперь, осмелев, она нашла себе нового партнера и собиралась жить с ним, рожать детей! Такой человек, явно лишенный чувств, не заслуживал его жалости!

Недоразумение между ними было слишком давним, и объяснить его в двух словах было невозможно, но проблема заключалась в том, что Ляо Цюли был парализован и не мог открыть рот, чтобы защитить себя. Он мог только слушать, как этот обиженный человек изливает свои чувства. В двух коротких фразах он уловил что-то странное. Как это — он не давал о себе знать? Это ведь не так! Он отправлял письма, но у него не было времени ответить, а теперь его обвиняют!

Ляо Цюли молчал, а Сяо Юй, охваченный гневом и печалью, забыл, что сам заблокировал его точки. Он решил, что молчание — это согласие, и от этого ему стало еще больнее. Он не плакал, когда умерли его родители, но молчание любимого человека заставило его глаза наполниться слезами.

— Я ждал тебя больше пяти лет. В любом случае, ты должен отдать мне то, что мне положено!

Ты обещал мне три года, сказал, что если я все еще буду чувствовать то же самое, то мы будем вместе. Но ты сбежал, как только срок истек! Ты растоптал мое сердце, будто оно ничего не стоит! Ладно, я дурак, я признаю это, но ты тоже не выйдешь сухим из воды!

«...» Отдать тебе? Что именно? Как? Разве я так говорил? Ты исказил все и теперь обвиняешь меня! Это несправедливо!

Сяо Юй, видя, что Ляо Цюли молчит с самого начала, окончательно охладел. Он решил взять его силой, чтобы хотя бы минимизировать потери. Он отвез его в ближайший город, нашел гостиницу с отдельным двором, арендовал целый участок, бросил деньги и сказал:

— Я не позвоню, никто не входит! Если кто-то войдет без разрешения, его смерть не будет на моей совести!

Он дал золотые листья, настоящие, пригоршню, и это ошеломило хозяина. Он согласился на все, даже если на плече у Сяо Юя был мужчина в свадебном наряде. Они закрыли глаза, делая вид, что ничего не видят. Если только не будет разрушений или смертей, пусть делают что хотят!

Дверь закрылась, занавеси опустились, и комната превратилась в уединенное место, отрезанное от мира. Они остались наедине, чтобы разобраться. Он снял его с плеча, положил на кровать. В его сердце была ненависть, но движения были нежными, как будто он боялся причинить ему боль. Он медленно поднял его, осторожно положил, убедился, что ему удобно, и только потом лег сверху.

Ляо Цюли был в отчаянии, на лбу выступил пот. Он изо всех сил пытался пошевелиться или открыть рот, но ничего не выходило. Он был как будто заколдован, мог только смотреть, как Сяо Юй ложится на него, расстегивает пуговицы на его одежде, одну за другой, слой за слоем. Его руки были горячими, дрожащими, ладони влажными от пота. Потом руки опустились ниже, а губы приблизились. Губы были еще горячее, почти обжигающие. Две пары губ встретились, горячие и холодные, слились в поцелуе, но вскоре им пришлось разъединиться. Оба были неопытны, не знали, как это делается. Тот, кто хотел быть «завоевателем», поцеловал его так, что забыл о дыхании, не надышался, но ему пришлось остановиться, чтобы перевести дух, прежде чем продолжить.

Ляо Цюли терпел, думая: «Ну хватит, что ты еще хочешь?»

Этот художник, который не обращал внимания на мир и занимался только рисованием домов, не был незнаком с мужской любовью — некоторые богатые семьи заказывали такие рисунки для развлечения, — и он знал, как это обычно происходит между мужчинами. Но он не хотел думать об этом, не хотел признавать.

Когда дело касалось Сяо Юя, он не мог даже представить это, не мог признать, не был готов. Он не ожидал, что тот залезет ему в зад, и неизвестно чем смазанный палец легко проскользнул внутрь.

Ляо Цюли испугался. Он не мог пошевелиться, только смотрел на него глазами: «Что ты задумал? Ты уже достаточно натворил?!»

«Завоеватель» был новичком в этом деле, хотя и изучал множество эротических картинок, но это было лишь теорией. Когда дело дошло до практики, он нервничал, руки дрожали, и, когда он внезапно «вошел», он не смог сдержаться, вытащил свой «инструмент» и попытался втиснуть его внутрь! Инструмент был большим, отверстие маленьким, и они не совпадали. Он едва вошел, но тот, кого насиловали, дрожал от боли. Они смотрели друг на друга, и Ляо Цюли спрашивал глазами: «Откуда у тебя такая жестокость? Где тот маленький Лицзы, который краснел, говоря о любви? Ты называешь это „хорошо“? Ты не даешь мне шанса объясниться, делаешь все, как хочешь, и это „хорошо“? Все мои заботы и внимание были напрасны, да?»

<http://bllate.org/book/15507/1377325>